

Снова вижу я солнца закат
Снова этой кончине я рад
Повезло им чуть меньше — бывшим без счета
Скольким — подсчет не моя работа
Каждый день свою мзду собираю
Каждый день их пути предел
Иметь или быть — ответ выбирай
Тем, чем хочешь, обладай.

*По ком звонит колокол.
Казик Сташевский и Культ*

ПРОЛОГ

Он вошел в магазин с магией главным образом потому, что шел дождь. А еще потому, что за последние сорок восемь часов он потерял девушку, работу, лучшего друга, закрыли его любимый паб и единственный киоск вблизи дома, где он мог купить талоны, у него украли машину, перестали выпускать любимые сигареты, по непонятным причинам отключили кабельную связь, а сестра бабушки решила оспорить ее последнюю волю и лишить его крыши над головой.

Не обязательно и не факт, что в такой последовательности. И теперь он стоял, дрожа от холода в промокшем плаще, в каком-то забытом богом дворе, с выходным пособием, сунутым в портмоне, и тупо

смотрел на амулеты, шары, волшебные палочки и благоволия в витрине.

Бывают такие дни. Временами в том месте, которое являет собой основу топографии чьего-то личного мира, вдруг появляется вывеска с надписью: «Ликвидация». На карте появляется белое пятно. И время от времени происходит что-то подобное. Какая-то точка исчезает, и появляются другие. Находишь другие магазины, пабы, знакомишься с новыми женщинами и новыми друзьями.

Чаще всего полная ясность наступает так: встаешь утром, бреешься, выходишь из дому и видишь, как все, что имело для тебя значение, вдруг исчезает, рушится, оказывается в состоянии ликвидации, взрывается и не отвечает на звонки. Твоя личная карта жизни покрылась белыми пятнами и, по сути, перестала быть картой.

У Яцека Вулецкого было такое впечатление, будто он проснулся в мире, который внезапно откорректировался, удалил из себя все, что могло быть для Яцека приветливым.

Магазин магии был просто завален товаром. Тысячи мелких пестрых безделушек лежали на прилавках, полках, на витринах и этажерках. Они плотно увешивали стены, были сунуты куда попало. Стекланные чаши, полные подвесок и кулонов, полки, заставленные странными книгами, груды полудрагоценных камней, горшочки и еще черт знает что.

В «Трампе», которым до вчерашнего дня управлял Яцек, все должно было быть поделено по разделам,

разложено удобно и понятно. Тут царил восточный базар, от которого у Яцека волосы становились дыбом. Каким образом клиент мог тут хоть что-нибудь найти?

Ледяной ноябрьский дождь остался за окнами, лил в унылом дворе между двумя задрипанными домами, на которых еще были следы от снарядов. Виднелась перекладина для ковров, искривленное древко и ступеньки, которые вели в пристройку маленького магазина, который специализировался на товарах для восточных единоборств, где Яцек совсем недавно пытался найти работу, но безрезультатно.

В беспорядке, царящем внутри, чувствовалось, что здесь определенно ожидали, что клиент станет копаться на полках, в витринах и в ворохе самых странных предметов. Никто не подбегал с навязчивым вопросом: «Вам помочь?» Помочь? Черт побери, во всем! Ему снова хотелось иметь друзей, квартиру, паб Shiohban и свою работу! Хотелось иметь свой небольшой магазин со спортивно-туристическими товарами и вести дела с тремя похожими на него ненормальными. Хотелось бы избежать самого ужасного, что уже настигло, — падения на дно. Супермаркета. «Работника отдела товаров для отдыха просим подойти к кассе номер восемьдесят шесть». Хотелось бы, чтобы вернулась Магда. Только не та ужасная Магда последних нескольких месяцев, а прежняя, которая куда-то исчезла.

Ему не хотелось выходить в дождь и холод, в сумерки ноября.

Хозяин, а может работник, сидел в одном из дальних углов помещения, под потолком звучали какие-то странные вибрирующие звуки, словно пьяный тибетец ревел в пустой бочке. Где-то тлели благовония, наполняя помещение тяжелым душным запахом. Яцек посмотрел на доску, увешанную десятками небольших амулетов, вырезанных из латуни. Они обещали финансовое благополучие, счастье, гармонию, душевное равновесие, здоровье, защищали от приступов агрессии, ставили преграду несчастьям. На выбор. Прекрасно. Он обязан купить все.

У дверей висела внушительных размеров пробковая доска, увешанная объявлениями. Уже что-то. Некоторые наводили на мысль об агентствах типа «Лидия и Луиза — гадание круглые сутки». Интересно, есть ли у них визиты на дом? «Духовное оздоровление и снятие проклятий, также на расстоянии». «Теодорус — энергетическое оздоровление». Яцек недоверчиво покачал головой. Одно из объявлений действительно впечатляло — «Городской шаман защитит от демонов, отведет проклятия, уберет препятствия, поможет найти дорогу». Интересно, сколько берет такой шаман?

Сумасшедший тибетец на диске вопил по-прежнему, немногочисленные клиенты, бродившие до сих пор в соседних помещениях, похоже, сторговались. Зазвенел кассовый аппарат. Девушка с короткими темными волосами, в очках с роговой оправой и узкими стеклами прошла мимо, прижимая к себе упакованный в черную ткань сверток. Она несла его

как-то украдкой, словно не хотела, чтобы кто-то увидел ее покупку. Понятно, что Яцек обратил на него внимание, но товар не рассмотрел. Он заметил только, как темные капли падают из пакета на каменный пол. Он уже открыл рот, но барышня спешно вышла, и колокольчик у двери разразился металлическими трелями.

Другой посетитель вышел сразу же за ней, неся запечатанный серый конверт с красными печатями какого-то ведомства, свечу зажигания и часы, на которых стрелки быстро двигались в обратном направлении. Следующий клиент заплатил, опять зазвенел кассовый аппарат, покупатель протянул хозяину пакет, завернутый в помятую коричневую бумагу, и вышел. Без товара, но расплатился. Приобрел позитивные вибрации? Тибетский воздух?

Яцек так и остался стоять, открыв рот и убеждаясь, что мир вообще в последнее время стал какой-то странный. Может, эти покупатели ничего здесь и не купили, а эти странные предметы были у них и прежде. А может, впрочем, так выглядят эзотерические покупки. Откуда ему знать? Он никогда не был в подобном месте.

Он положил полудрагоценный камень назад в вазу и понял, что остался в магазине совсем один, сейчас его уже ничего не спасет от «Чем могу вам помочь?» И он вынужден будет промямлить: «Я только посмотреть», а потом выйти в дождь, темень и хаос.

Ему очень этого не хотелось. Ничего хорошего там, на улице, его не ожидало.

За окнами по-прежнему лил дождь и не было никаких признаков того, что он намерен прекратиться, во всяком случае до мая следующего года. А в темном проеме ворот, ведущих на улицу, стояла стройная темноволосая девушка в красном, блестящем от дождя дождевике. Он узнал ее. Видел уже несколько дней. То тут, то там. Случайно. Первый раз, когда смотрел на уходящую Магду. Уходящую к его лучшему другу. Магда сердито ступала большими шагами, похоже, по-прежнему произносила какие-то гневные тирады. Он смотрел на нее со странным чувством облегчения и пытался угадать, не обернется ли она, не посмотрит ли на него. Но она не обернулась. Ему казалось, что на лестничной клетке все еще слышен звук разъяренного удара дверью, который навсегда отделил их друг от друга. И тогда он увидел ту невероятно красивую девушку, шедшую по улице в противоположную сторону.

В следующий раз он увидел ее сегодня утром, когда пошел на работу. На двери «Трампа» висела непонятная табличка: «Переучет. Ликвидация», которую он читал десять раз, убежденный, что это какая-то шутка.

— Извини.— Павел только беспомощно развел руками.— Я сэкономил на отправке уведомления по почте. Я напишу тебе рекомендацию. Могу сделать для тебя только это.

А когда Яцек уже отработал все эти беспомощные «Почему?», «Как ты мог после шести лет закрыть вот так вдруг?», «Почему я ни о чем не знал?» и так далее,

а потом вышел на улицу уже безработным, все та же прекрасная девушка, которую невозможно забыть, ждала на трамвайной остановке.

А сейчас она стояла в подворотне и смотрела на него из-под густых черных волос. Она следила за ним? А может, просто подойти и спросить, в чем дело?

Хозяин магазина прошел с другой стороны витрины с кристаллами, полудрагоценными камнями, соляными лампами и масками.

Он закрыл входную дверь на засов, выглянул в окно, словно смотрел на девушку, по-прежнему стоящую в подворотне, и опустил бамбуковые жалюзи. Потом повернул висящую на двери вывеску так, чтобы было видно: «Закрыто». Яцек наблюдал за его действиями с широко открытыми глазами и, казалось, открыв рот.

Продавец повернулся в его сторону. Он был смертельно бледный, словно припудренный мукой. Длинные, завязанные сзади волосы — белые. Тонкие ладони, торчащие из рукавов черного гольфа, также белые, как воск.

Только глаза красные, словно налитые кровью.

Яцек в отчаянии искал глазами на прилавке какое-нибудь оружие на случай, если бы оказалось, что именно сегодня хозяин магазина с эзотерическими штуками сошел с ума и решил прикончить последнего посетителя. Вот уже несколько дней Яцек перестал задаваться вопросами типа: «Почему же это все случается именно со мной?» Он уже успел заметить, что в последнее время общество к нему не благоволит.

Подумав, сжал в руке мраморное яйцо.

— Оставь эти дешевые талисманы, парень,— произнес продавец.— Тебе нужна настоящая помощь. Ты потерял дорогу, да? Все рухнет без видимых причин? Ты носишь пальто, в руках у тебя дипломат. Ты серьезный человек. Никаких благовоний, гороскопов, кристаллов. Ты крепко стоишь на земле, но все же пришел сюда. Ты рассматривал визитные карточки, потом талисманы. Море гаджетов, которыми можно украсить жилище или кому-нибудь подарить. Небо рухнет, да?

— И что? Ты продашь мне особый товар? Такой, который на самом деле сработает? — с издевкой произнес Яцек.

— Я не держу дверь закрытой,— терпеливо заявил продавец.— Ты можешь ее открыть и идти себе. Хотя, похоже, особо и не знаешь, куда идти. Ты потерял свою дорогу, дружок.— Он указал на доску с объявлениями.— Городской шаман. Это моя визитка. Если ты знаешь, что тебе делать, иди. Если не знаешь, сделай то, что во все времена делали в таких случаях — сядь и спроси у шамана. Я буду в подсобке. За кассой направо.

И он исчез в глубине магазина. Яцек положил мокрое от пота мраморное яйцо назад в вазу и направился к двери.

Он решил вернуться домой и посмотреть... нет. Позвонить... нет. Выспаться.

Один.

Завтра он мог бы обойти еще несколько спортивных магазинов в городе, может, других из похожей

области, а потом — «Работника отдела товаров для отдыха...»

Колокольчик у двери пропел случайную грустную мелодию.

Комната за дверью в подсобку выглядела не так, как можно было предполагать. Никаких магических гаджетов, благовоний, вышитых подушек. Почти пустая, обставленная суперсовременно и аскетично, она наводила на мысль о кабинете дантиста или о модном клубе. Блестящий металл, стекло.

Продавец сидел в странном кресле у стеклянного столика, свет металлической лампы был приглушен. С другой стороны стояло такое же кресло. Мужчина поднес ко рту вычурную стеклянную трубку. Цилиндр с носиком, в котором клубился тяжелый, как туман, белый дым.

— Люди часто говорят, что город — это джунгли,— произнес городской шаман.— Но они ничего в этом не понимают. В джунглях есть не только то, что видимо, но и существа, живущие на других уровнях действительности. В определенном смысле сами люди дают им жизнь. От нас зависит то, попадем ли мы из лука в зверя, но не то, найдем ли мы его тропу. Есть вещи, которые приходят их высшего мира, и такие, которые приходят из низшего. Болезни, невежество, курсы валют. Так было, есть и будет. И не имеет значения, находишься ты в шалаше, в пещере или в апартаментах. Джунгли всегда там, где есть люди. Они несут их в себе. Вместе с Древом Жизни, духами предков и демонами. Ты не замечаешь этого, потому

что похож на человека, ходящего по торговому центру. Ты смотришь на магазинчики, товары на полках, рестораны и предполагаешь, к примеру, о существовании кухни, складов, но понятия не имеешь, что там — целые этажи и лабиринты помещений, в которые тебе нет входа.

Яцек сел в противоположное кресло и налил себе минеральной воды из изящного кувшина. Обыкновенная болтовня ненормального. А на что еще он надеялся?

— Предположим, что чьи-то отношения распались, — продолжал шаман. — Мы можем найти какие-то причины. Психологические, экономические, разные. Но на самом деле часто неизвестно, почему что-то такое приключилось. Почему вдруг закрыли магазин. Почему кто-то никак не может заработать денег или почему ступает на пешеходный переход как раз в ту секунду, когда по нему проедет пьяный водитель. Издавна знали — кто-то обидел богов, предков, обратил на себя внимание демонов. Теперь мы говорим: «случай», закрываем глаза и закрываем уши.

Яцек встал и прошелся по комнате. Он чувствовал себя уставшим, ему было смешно. Нужно идти домой. На стеклянных полках лежала коллекция случайных предметов. Меняющая цвет голограмма кредитной карточки, латунная пепельница, украшенная хамелеоном, самурайский меч, мягкий серебряный браслет, похожий на блестящую сороконожку, засушенная, нанизанная на булавку темная бабочка с крыльями, черными как сажа.

— У меня нет бабок,— произнес он уставшим голосом.— К чему эта комедия? Я и так тебе не заплачу.

— Это будет зависеть от тебя. Если я тебе помогу, ты сам решишь, платить ли мне и сколько. Но сначала я должен тебя просветить.

— Что?

— Вынь все, что у тебя в карманах, и высыпь в вазу. Также вынь все, что у тебя в портмоне за исключением денег. Все. Визитки, зажигалку, талоны, шнурок.

Яцек выдержал долгий взгляд ужасных черных глаз, после чего пожал плечами.

Подобное удивление появляется в аэропорту у магнитной арки. Один карман, другой, третий. Кто бы мог подумать, что там столько мелочей! Кредитные карты, билет в кино, ключи, сигареты, зажигалка, документы, визитки, какие-то карточки с загадочными номерами телефонов — целая куча.

Мужчина где-то раздобыл пульт, и комнату залила музыка. Никаких трансовых мелодий, никаких индийских бубнов. Ударные, гитары, The Clash. Guns of Brixton. Потом надел солнечные очки — элегантные полароиды. Страшные кровавые глаза исчезли.

Продавец встряхнул емкость и стал присматриваться к ее содержимому, пыхтя своей булькающей трубкой. Яцек, потерявший чувство реальности, глядел на него, будто на врача, рассматривающего рентгеновский снимок.

Шли минуты. Шаман что-то бормотал себе под нос, трудно было сказать, напевал ли в такт музыкантам или бурчал себе под нос.

